

МАКС ИГНАТОВ

ЧЕРНЫЕ ПОДКОВЫ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Макс Игнатов

Черные подковы

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Игнатов М.

Черные подковы / М. Игнатов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Таможня. Что знают люди об этой структуре? Почти ничего, разве что по разговорам – про взятки да про жизнь таможенников на широкую ногу. Вот и молодой офицер Витя Гордеев, совсем недавно закончивший военное училище, прослышал про неведомые таинства новой, доселе неизвестной ему службы. И решил круто изменить свою жизнь. Не задумываясь, к чему это приведет... Содержит нецензурную брань.

© Игнатов М., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	23
Глава 6	27
Глава 7	31
Глава 8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Почти правдивый вымысел*

*Все события и персонажи являются вымышленными, любое совпадение с реально живущими или жившими людьми, и с реально происходившими событиями случайно.

Глава 1

Ну и, слава Богу, закончилась эта учеба! Впереди офицерская карьера, немало придется попотеть, лет этак дцать, а там, глядишь, и генеральские лампасы можно примерять! Да, только так, плох тот солдат, как говорится..! Встречай, родная армия, лейтенанта Виктора Семеновича Гордеева! С распределением повезло, прямо скажем, центр Страны Советов, не дыра какая, грех не служить. А кому-то выпал далекий Север да песчаный Юг... Жена опять же молодая, скучно не будет. Пока двигались к месту, послал фотографию домой: в «парадке», погоны золотые, извинения – простите, что не заехал. Там никто, похоже, и не расстроился, зато вся многонациональная родня в селе напилась – чуть не сожгли «красную» церковь, единственное местное достояние. А все потому, что батюшка тоже меры не знает, он же тоже родственник, хоть и дальний.

На месте обосновались быстро. Сосновка, поселок каких много. Жена прямо так и сказала – как же на Чумазовку родную похоже! До города километров 30, автобус вроде ходит, но нерегулярно, что, в общем, совсем не удивляет в конце восьмидесятых. А вот то, что воинская часть единственная в окрестностях, в целом весьма удивительно. Еще недалеко, рассказывают, большая свалка, дерьмище всякое с города возят, это плохо, но зато рядом лесов много, и обещают лет через пять давать участки под сады-дачи – это хорошо! И сами дома в Сосновке стоят среди леса, воздух чистый, жилье почти все одни пятиэтажки, и при этом главное: сразу – квартира, однокомнатная! Маленькая, пятый этаж, с покоцаной и ржавой мебелью, но – квартира! До ворот части – пять минут ходьбы, устать не успеешь. В поселке садик, школа, библиотека, клуб, само собой – магазины, почта, даже санчасть с роддомом есть. Сплошные плюсы!

Виктор по прибытии, как положено, доложил, побеседовал с красномордым командиром части и длинноносым замполитом. Все ему добрые начальники объяснили, со всех сторон прощупали. Дали назначение «на первое время» на склад БП, место не пыльное, разве что двух «кусков» постоянно надо было гонять, а они немолодые, работать не любят, смотрят на молодого летеху как на прыщ, подставить опять же норовят – как говорится, глаз да глаз! Но Виктор не сгупил, аккуратно «влился» в коллектив, и постепенно стороны нашли общий язык. Прапоры рассказали ему, что прежнего замначсклада, одинокого «пятнадцатилетнего» капитана, списали в запас совсем недавно. Но очень оперативно – пока он не назанимал в долг в алкогольном виде во всех поселковых магазинах и у старух-самогонщиц на всю свою пенсию вперед. Капитан, узнав о решении командования, собрал вещи в свой «тревожный» чемодан, сдал ключи от служебного жилья, получил документы и расчет в штабной кассе и на вдруг вовремя подъехавшем автобусе быстро сквозанул от всех поселковых кредиторов. И именно капитанская квартира, с плохенькой входной дверью, покосившимся шкафом, полным пустых бутылок, и ржавой пружинной «полуторкой», и досталась Гордееву вместе с назначением. А с учетом того, что обещанное «на первое время» обычно перетекает в нечто постоянное – вскоре Виктор уже не вспоминал, что обещали ему красномордый и остроносый командиры...

Появились новые друзья, в основном – офицеры примерно одного возраста и звания, появившиеся немного раньше или чуть позже Виктора. В основном все уже с женами, но детей пока никто не имел. Ничто не объединит мужчин лучше, чем алкоголь, и хоть время было нелегкое, многое по талонам, но спирт в армии никто не отменял, да и самогон в поселке бабки гнали, поэтому задружились быстро. Стали жен знакомить, деньги занимали понемногу друг у друга до очередного ДДД, то бишь – дня денежного довольствия, – ведь покупать надо так много: и в квартиру, и жене, ну и на себя, опять же... Для полного счастья не хватало бани, настоящей, но тут Вова Насонов, маленький и крепкий, как гриб-боровик, пообещал: как решится вопрос по участкам – забабахая такую дачу, что будете ходить и еще деньги платить, чтобы пускал лишний раз!

Жена в библиотеку работать пошла. Работа не самая сложная, зато постоянное общение, не до скуки. Вечерами супруги делились новостями за день, а ночью любовь и молодость брали свое. И ведь не зря скрипела «полуторка», оповещая весь подъезд о работоспособности юного лейтенанта, – вот уже Виктор с новыми друзьями, молодыми офицерами, встречает свою ненаглядную Татьяну с дочкой, которую называли Дашей. Газ-квас, подарки и теплые слова – и потекли будни, с недосыпом по ночам, с первыми серьезными спорами, ссорами и слезами. Татьяна оказалась очень ревнивой, часто цеплялась к мелочам, дня не проходило без того, чтобы она не учинила какую-то «сцену». Ее бесило все – задержки по службе, запах спиртного, неудачно вырвавшееся слово. Форму Витя всегда старался гладить сам, но Татьяна постоянно следила, нет ли на рубашке следов и не пахнет ли от него каким-нибудь парфюмом. Он соглашался – жене нелегко, на ней хозяйство, маленькая дочка, а немногие подруги не так часто могут ее навещать, у всех есть свои дела, двоим вот тоже скоро рожать. Виктор старался почаще гулять с Татьяной и Дашуткой по вечерам, и в эти моменты жена вроде успокаивалась, но стоило пройти мимо какой-нибудь молодой незнакомой женщине, Гордеев сразу ощущал, как жена напрягалась. Он понимал, что поводов никогда не давал, и старался ей это объяснить при каждом случае, но Татьяна язвительно отвечала ему, что, дескать, все вы, мужики, одним миром мазаны, или, наоборот, замыкалась и начинала плакать. Что делать, Витя не знал, а спрашивать совета у сослуживцев ему было стыдно.

И вот однажды, зайдя в магазин, Виктор поймал на себе пристальный взгляд продавщицы – полной рыжей молодухи примерно одних с ним лет. Его сослуживец, Серега Дубинкин, уже хвалился, что «заходил не раз в продуктовый к рыжей Тоне», но Витя почему-то ее раньше не замечал. Рыжая взгляд не отвела, облизнула ярко накрашенные губы и улыбнулась. Виктор почувствовал себя, как двоечник у доски. Решив, что зайдет позже, он собрался было дать задний ход, но, как назло, в тесном магазине толклось еще человек пять. Тут рыжая что-то спросила, и стоящая рядом женщина толкнула Гордеева:

- Вас же спрашивают, военный!
- Извините, что? – затупил Виктор.
- Вам чего, спрашиваю... – опять облизнулась рыжая.
- Э-э, хлеба, булочку.

Выйдя из магазина, он увидел, что молодуха уже стоит у подсобки и курит. «Быстрая» – подумал он, улыбнулся и тут же понял, что зря. «Антонина» – протянула свою десницу та и продолжила: «Ты Виктор, я знаю. Если надо будет чего – заходи, порешаем, ну или вообще, если скучно будет...» После чего подмигнула, щелчком послала бычок в кусты и ушла в подсобку.

Домой Витя шел как во сне. Он не был по жизни массовиком-затейником, в компаниях чаще всего скромно сидел сбоку, стараясь не выделяться. Кое-какой мужской статью природа его не обидела, и девушки обращали на него внимание, но... Татьяна была у него одной и единственной, его вроде бы всегда это устраивало, вот только сейчас Виктор понимал, что перспектива измены жене весьма вероятна. Прислонят ли его к серой стене или положат на мешок с сахаром, или это произойдет как-то иначе – он не понимал, как не понимал и того, почему Антонина, ни разу до этого момента им не замеченная, стала какой-то коброй, загипнотизировавшей его. Получается, он уже готов изменить Татьяне? Сейчас он придет домой, а там опять претензии, сопли-слезы!

Он зашел в квартиру и сразу унюхал запах чего-то свежее испеченного. Татьяна не часто баловала его пирогами и прочей подобной снедью, хотя от матери многое переняла как хозяйка, в чем Виктор убедился, всего однажды побывав в гостях у будущей тещи. И вот теперь, разувшись и скинув китель в коридорчике, он вошел в комнату и не поверил глазам: их раскладной столик стоял посреди комнаты, на праздничной скатерти стояли две тарелки, две рюмки, салат в салатнице и горячий пирог, его любимый, с рыбой. Татьяна стояла рядом и улыбалась:

- Ты ведь не будешь меня ругать?
- За что?
- Понимаешь, в общем...

Она как раз собиралась укладывать Дашу, когда к ней завалились ее подруги, сестры Машка и Галка, работавшие в школе. С их мужьями, лейтенантом Насоновым и местным замдирклуба Коробковым, Виктор сдружился больше всего. Машку с Галкой так и называли все – «сестры», их мужей – «сестролюбы», а иногда и несколько жестче, на что мужья особо не обижались, потому что всегда было понятно, о ком шла речь. Все четверо были небольшого роста, как с инкубатора, и было смешно наблюдать за тем, как они идут по улице одной компанией. Вова Насонов был работяга, но с какой-то хитринкой, и Маша такая же. С мужем Маша, по крайней мере – при чужих, никогда не спорила. А Вася и Галя Коробковы шли по жизни с душой нараспашку, и с улыбками на лице. И каблук Галки на уже сформировавшейся Васиной лысине был виден всем и каждому.

Виктор как-то дал займы денег Коробкову, вот сестры и пришли, как бы отдать долг со скромной учительской получки и навестить молодую мать. Они погуляли на улице с коляской, что было весьма кстати для Татьяны и полезно для дочки. Сестры щебетали о своем, а Татьяна невольно задумалась о том, что творится у них с Витей в семье, и правильно ли она себя ведет в последнее время. И когда они стали заходить по очереди в магазин, где как раз завезли мороженую рыбу, она уже дошла до той стадии, что корила себя за то, что у них с мужем давно не было ничего чисто семейного. И в этом, конечно же, она тоже винила только себя, ведь она отдавала все свое время дочке и забывала уделять должное внимание ее отцу. Взглянув на рыжую продавщицу, которая ее обслуживала, она вдруг поняла, что может многое потерять, а какая-нибудь вот такая рыжая – увести ее Виктора. Конечно, обо всем она мужу не стала говорить, сказала только:

– В общем, я почти все потратила. А хлеб ты зачем купил, со вчерашнего дня же еще остался...

– Да ладно, – сказал обалдевший от всего Виктор. – Давай пирог поедим!

Грудью Татьяна уже почти не кормила, поэтому позволила себе две рюмки настойки. Гордеева было за уши не оттащить от рыбного пирога, что вкупе с настойкой привело его в полное обалдение. Еще больше ему было приятно от того, как жена смотрела на него все это время, пока они сидели за столом. Дашутка уже спала, по старенькому телевизору тихонько пели какие-то эстрадные звезды. Виктор вытер платком губы.

- Наверно, нам надо поговорить...
- Пойдем в кровать, – сказала жена.
- А...?
- Я утром пораньше встану и все вымою.

Потом, после всего приятно-сексуального, они долго лежали, обнявшись, на своей «полуторке» и молчали. Первым зашептал Виктор:

– С первых же больших денег купим здоровенную софу. Или тахту, не знаю. Хватит маяться.

- Мы куда ее поставим-то, Вить?
- Найдем место. Были бы деньги – найдем, что купить, а купим – найдем, куда поставить.
- Дашку не скоро в садик отдавать, так что я еще долго на работу не выйду.
- Деньги – это мужская тема, Тань. Ты не заморачивайся. Будет у нас и мебель, и квартира, и машина, и дача... не смейся, все будет, я тебе обещаю.
- Вить, да нам до этого не дожить.
- Надо просто видеть цель и ее добиваться. Я тебе слово даю – все сделаю, себя переломлю, промолчу, когда надо, с начальством буду как шелковый, но мы будем с тобой богатые и счастливые. И с Дашкой конечно! Ради нее я... не знаю... Родину продам!

– Вот дура-ак...!

– Ну, это я образно, шучу, конечно. Что ты шуток не понимаешь? Только ты меня должна поддерживать везде и во всем, поняла? Ты ведь жена советского офицера! Если что скажу тебе – ты мне верь и слушайся, и я тебя не подведу, я тебе обещаю, поняла?

– Да поняла я...

– А раз поняла – слушай внимательно: разворот на сто восемьдесят, бегом! Поскрипим еще, пока Дашка спит?

Глава 2

Время потихоньку шло. Seriously изменилась ситуация в стране. Политическое противостояние привело к ГКЧП. Было очень сложно в те августовские дни, когда армию пытались сделать инструментом в руках власть предержащих. Сами офицеры сосновской части, как и другие их собратья по всей России, члены их семей, пережили тогда немало тревожных часов. Но командир части, подобно многим другим, не впал в панику, проявил нужную выдержку и дождался ситуации, когда стало понятно, кто сильнее и кому следует присягнуть на верность.

Через год после этого уже ожидаемое, но от этого не менее радостное событие пришло и к лейтенанту Гордееву. Очередная, по-честному заслуженная третья звезда опустилась на его плечо. Впрочем, это будет не совсем правильно – опустилась она – точнее, они, по одной на каждый погон, – сначала в стакан, доверху наполненный холодной водкой, как полагается по старой армейской традиции. Старые пердуны вспоминали о былых временах, когда (по их, конечно же, словам) отдавали честь очередному званию, выпивая стакан не водки, а чистейшего спирта, и потом еще весь вечер танцевали до упаду. Но нынешняя прыщавая молодежь вежливо над ними подшучивала, так как поднимать на смех старших по званию даже в неформальной обстановке было не с руки, да и к водке все-таки организм современного военного был более приспособлен. К тому же водку стало достать намного проще, на любой вкус и цвет, потому как появилась даже черная водка, а вот на спирт «Рояль» уже никто не кидался, ибо разговоры про ослепших любителей голландского зелья делали свое дело.

И вот стакан выпит, верная рука тряхнула его, и заслуженные звездочки скатились к Витиным губам. Продемонстрировав всем собравшимся в столовой пустой сосуд в одной руке и сверкающие звезды в другой, Виктор икнул и в меру твердым голосом произнес:

– Товарищи офицеры, представляюсь по случаю присвоения очередного воинского звания «старший лейтенант»!

В связи с тем, что никого из самого «верхнего» начальства за столом не было, вопрос старшинства определился быстро, и единственный присутствующий майор с чисто военной фамилией Смирнов, встав, сказал:

– Нашего полку прибыло! Привести форму одежды в порядок.

Два уже подготовленных «дырявых» погона были приведены в должное состояние и закреплены на рубашке Виктора. На кителе все можно сделать позже, но это и дольше, а кто же хочет ждать? А на рубашке погоны – разве чем-то отличаются? Поэтому все выпили по полной, и – началось празднование.

Было немного тяжело с непривычки. Вообще, стакан водки на почти голодный желудок даже для военного человека – это немало. А Вите пришлось побегать с утра, где-то расписаться, где-то закупиться, где-то договориться... Татьяна поныла опять же, ей же дома с ребенком сидеть да китель мужа в норму приводить, а муж будет пить да гулять. Вот вроде офицерская жена, все понимает, а без нервов никак не отпустит. Е-мое...

Поздравления шли своим чередом, тост за тостом. Выпивки и закуски должно было хватить, в этом Виктор не сомневался, главное – выдержать самому и не упасть до конца праздника. Пить его уже никто не заставлял, он свою миссию выполнил, сейчас он просто всеобщий любимец, в честь которого целый вечер будут звучать здравицы. А потом сосед, Ванька Пичугин, у которого есть служебная машина, отвезет его прямо до подъезда и доставит к суженой. Об этом Витя тоже заранее договорился.

Мало-помалу спиртное делало свое крепкое дело. А столовая постепенно пустела. Кто-то уходил на своих двоих, кого-то забирала жена или знакомые. Никто не буянил, никто нигде не наблевал, прошло все, как говорили в старом кино, чинно – благородно. Ванька маякнул у входа – дескать, я приехал. Виктор заглянул в себя – вроде все нормально, все чувства в

соответствии. Встал – не пошатнулся, за ним стали вставать и оставшиеся. Кто-то еще стал наливать «на ход ноги», но Витя уже оделся и подошел к заведующей.

– Ой, Виктор Семенович, – защебетала она, – как все хорошо прошло, а сколько всего осталось!

– Мария Валентиновна, вы там оставьте все себе, дайте мне три бутылки водки и... э-э...

– Да-да, Виктор Семенович, я помню.

Она поставила на стол полиэтиленовую «маечку» с водкой и объемный пакет. В пакете были фрукты. Виктор недавно познакомился с завстоловой, но уже смог в полной мере ощутить плюсы этого знакомства. Правда, минусы тоже имелись. Основным был постоянное желание Марии Валентиновны позвать молодого лейтенанта – а теперь старлея – к себе «на чай». Однако Витя старался под всяческими предложениями увильнуть от сего «чаепития», не представляя себе измены Татьяне вообще и с конкретной необъятной завстоловой в частности.

– Огромное Вам спасибо, Мария Валентиновна! Ну, мы пойдем. Там я вроде рассчитался...

– Да-да, Виктор Семенович, все нормально, с праздником вас! Не зайдете завтра с утра, у меня есть отличный индийский чай, помогает от головной боли и вообще...

– Ой, не знаю...

Спасительная дверь была уже рядом, Гордеев напоследок брякнул «спасибодосвидания» и вывалился в вечерний холодок. Пичугин тер стекло.

– Поехали?

Ехать в «Волге» было удобно и приятно. Эх, жаль, недалеко!

– Вань, ты хоть Расскажи, где, кем? А то видимся редко, я не знаю ни фига.

– Витя, да что рассказывать! Есть у нас, оказывается, такая Городская таможня, знаешь? Ну вот. Я раньше думал, что таможни только на границах, а оказывается, хрен с два – сейчас товары всякие из-за границы приходят, и на границе их решили не трогать, а везти вовнутрь. Сам понимаешь – Союз развалился, все по-новому, законы, границы... В общем, все крупные города будут иметь по своей таможне, чем крупнее город – тем больше таможня, ну а если еще самолетами будут товары возить, да народ будет туда-сюда летать – ну тогда вообще крутизна!

– А ты как попал?

– Знакомый сказал – надо людей опытных, меня посоветовал, ну я и пришел. Погугарили маненько, они ж в транспорте ни хрена не понимают, ну я им баки залил, да прокатил туда-сюда. Все, сейчас вожу таможенников, начальника иногда.

– Нравится?

– Еще бы. Считаю, «Волга» всегда под жопой – раз. Сам понимаешь – бензин, тут меня учить не надо, канистра-две всегда для продажи имеется. Это два. Три – это корочки, менты не трогают ни машину, ни меня, я «правоохранитель», хе-хе. Но не это главное. Приехали, Вить.

– А что главное? Если не торопишься...

– Не тороплюсь. Моя у тещи, дом пустой, сейчас приду, яични с колбасой сжарю, рюмашку поищу!

– У меня пузырь для тебя, ты ж меня не даром вез, – засмеялся Виктор.

– Так может, здесь и бахнем по чуть-чуть? У меня и стакашки есть. Сейчас я только назад сдам, вот тут моя родимая стоит...

– Закуски нет нормальной.

– А что у тебя в том пакете?

– Да там... жене с дочкой.

Пичугин сделал обиженное лицо.

– Но ведь со мной ты не обмыл старлея? Что там? Фрукты? Виногра-ад? Ну, нам с тобой надо-то одну кисточку. Это как бы твоя доля, просто ты не съешь потом...

Витя сдался.

– Ну, давай...

Выпили, закусили виноградками.

– Ты там что-то про главное хотел сказать.

– А! Так вот. Таможенники – это нечто. Тот, кто попадает на место, достаточно быстро поднимается. Во всех смыслах. Это уже очень нужный, очень важный человек. С деньгами и со связями. Причем, заметь, вне зависимости от должности и звания.

Витя опешил.

– Как это?

– Ну, вот смотри. Случай из жизни. Я везу таможенника на склады. Там фуры, целая куча, товары привезли с Европы, вся вот эта гуманитарная помощь, которую нам сейчас сюда прут по поводу и без. Стоит и ждет все – от одежды и обуви до шоколада и бухла. Или бухло в вагонах? Ну, неважно. И вот приезжает один – один, понимаешь? – таможенник, и он решает, кто пойдет первым, кто вторым, кто сегодня будет последним, а кто до завтра будет стоять. У каждого таможенника есть такая печать, вот пока он ее не поставит – товар никуда дальше не пойдет. Это я, конечно, упрощенно объясняю, ну ты понимаешь, о чем речь...

– В целом.

– Вот! И к нему начинают все переться, как бы вопросы решать. Я, бывает, после всего этого иногда ребят сначала домой отвожу, а потом на работу, чтобы они могли быстренько пристроить все нажитое за день своим, так сказать, честным трудом. Бывает, мне что-то перепадает.

– Любопытно.

– А я о чем? А другой с печатью сидит в своем кабинете и декларации смотрит, ну, это документ такой таможенный. И вот опять – может выпустить, а может и нет. Третий смотрит, как машины из-за границы привозят, для себя или на продажу, какие цены, назначает пошлины. Четвертый на выезды ездит, на досмотры, может что-то увидеть, а может и нет... И так далее.

– погоди, – нахмурился Виктор. – Как-то все просто у тебя получается. За ними не следит никто, что ли? Начальство, милиция, прокуроры всякие?

– За начальство не знаю. Наверняка следят. Документы есть регра... легла... тьфу ты, регламентирующие, вот! Отдел есть, борьбы с контрабандой. Так ведь в народе не зря говорят: рука руку моет, обе белы живут. Подмажешь начальника, он и закроет глаза. А милицию с прокурорами я ни разу не видел. Ну, так и там купленные все наверняка. Опять же не все время люди на свой карман работают, государство же не должно страдать, есть же пошлины всякие, налоги опять же. У меня образования не хватает всю эту науку понять, а так и я пошел бы...

– А мафия? Если там все так сладко...

– Витя-Витя, а кто ж возит-то весь товар на просторы наши? Кто крышует это все? У кого деньги все? У них, у бандюганов. Тех же ментов с прокурорами кто покупает? Мафия. Это мы с тобой и без художественных фильмов знаем. И с таможенниками они тоже дружат, им же друг с другом лучше в дружбе жить, выгода-то взаимная. Таможенникам – мзда и крыша в случае чего, мафии... как это... о, льготные условия таможенного декларирования. Вишь, как я говорить наострился? – и Ваня залиvisto расхохотался.

Недопитую водку, как и недоеденный виноград, Виктор оставил Ивану. В квартире было тихо, Татьяна с Дашей спали. Пакет с оставшимися фруктами переместился в холодильник, вместе со всегда необходимой водкой. Стараясь не шуметь, Витя разделся и ушел в туалет. Там он сел на стульчак и подпер голову руками. Башкенция болела, но не столько от водки и праздника, сколько от полученной информации. Было что обдумать, и Гордеев отчетливо это понимал. Перед ним как будто зажглась какая-то путеводная звезда, какая-то цель, и ее обязательно надо было достичь.

«Надо с Пичугиным еще пообщаться. Выяснить все поподробнее. Все просто у него как-то, но он ведь может многого не знать, да и явно не знает. Опасно ведь это все. Взятки и все такое. Осторожность тут нужна, в первую очередь. И связи». Он вспомнил Марию Валентиновну и тихонько хмыкнул.

«И обязательно узнать, кто из сосновских еще там работает. Или собирается работать. А может... кто-то из наших уже у него спрашивал про таможду?»

Сердце у него почему-то сжалось. Ему вдруг показалось, что все происходящее – это какой-то секрет, на который имеет право только он, и никто другой не должен даже об этом думать.

У двери что-то скрипнуло, и Витя вздрогнул.

– Ты там еще долго? – это была Татьяна.

– Нет, все, выхожу уже.

Виктор оторвал бумажку, бросил ее в унитаз и дернул за ручку. Почему-то именно в этот момент он ясно понял, что больше свои звезды в армии ему обмывать уже не придется.

Глава 3

Как оказалось, Ваня Пичугин был человеком разговорчивым. Про славных таможенников он рассказал уже чуть ли не половине сосновцев. Витя был откровенно удивлен, что раньше никто ничего о таможене ему не рассказывал. Стоило ему намекнуть кому-либо из сослуживцев о чем-либо из Ванькиного рассказа, как фамилия рассказчика и всякие подробности сами собой выплывали на поверхность. Но еще более того Виктора удивило то, что уже несколько молодых офицеров рассматривали варианты устройства в ту самую таможенную структуру. Кто-то говорил это в открытую, кто-то признавался по самому большому секрету. Престиж ношения армейских погон был подорван однозначно.

– Ну, ты сам посуди, – шептал ему Степка Плаксин, относительно недавно переведенный из ГСВГ. – Какие сейчас перспективы? Правительство все везде сокращает, от зарплат до целых гарнизонов, нормально живут только те, кто ворует, а воруют те, кто на должностях или наверху. Или мафия. Но на какого хрена мы мафии сдались?

Слово «мафия» в разговорах звучало синонимом слова «деньги». Информация о больших и малых группировках разных жуликов и бандитов наполняла средства массовой информации изо дня в день. В реальной жизни Виктор ни разу с подобным элементом не сталкивался и относился к таким разговорам нейтрально. Хотя разговоры о смене хозяев магазинов, ближайшей лесопилки и еще пары мест доходили в последние месяцы и до его ушей. В основном хозяйничали какие-то «заводские», но что они из себя представляют в реальности – практически никто не знал.

Широколицый старлей Даниял, промеж своих называемый просто Даней, поглаживая усы, сказал Виктору просто и ясно:

– Когда мы учились в училище, была одна страна. Сейчас – другая. Ситуация изменилась. Сидеть и ждать чего-то – будет неправильно.

Это немного смахивало на призыв к революции. Но все, кто за годы совместной службы хоть немного узнал башкира Данияла Асадуллаевича Шайхуллаева, а Гордеев не был исключением, могли понять: немногословный человек сказал больше, чем обычно. Значит, он уже принял какое-то решение. Лучшим другом Данияла являлся Игорь Конев, и Витя подумал, что тот тоже в теме.

Так за неделю-другую Виктор сумел разговорить порядка десяти-двенадцати офицеров. Результат его поразил – о таможене не слышал ничего только один, а трое-четверо, будь их воля, прямо завтра направили бы свои стопы в такое сладкое, по словам разговорчивого Вани Пичугина, место.

Ближайшие друзья Виктора, Насонов и Коробков, тоже обо всем были наслышаны. Они втроем шли после службы по вечерней улице, тихонько обсуждая «новую» информацию. Коробков сомневался в правоте слов Пичугина. Верить рассказам рядового водителя ему очень не хотелось. Насонов же продвигал откуда-то почерпнутую идею, что именно бывшие офицеры скоро будут активно набираться в таможеню. Витя не понимал, почему Вова так в этом упорствует. Хотя Насонов, и Виктор ему в этом откровенно завидовал, очень быстро обрастал всякими знакомствами, у него часто появлялись какие-то идеи, он первым рассказывал о чем-то интересном и нужном. Однако про таможеню Насон до этого дня не упоминал – Витя для себя это отметил. Но упрекать друга в скрытности совсем не хотелось. Да, что-то Насон говорил, а что-то скрывал. А напрямую спрашивать было неудобно. Выручил «сестролюб»:

– Вовик, что-то ты мутишь, – Вася Коробков конкретно предъявил претензию своему родственнику. – Ну-ка колись, откуда информация?

Насонов засопел.

– Да это не секрет, другое хотел от вас, уродов, скрыть до поры до времени, да разве вы дадите?

Володя Насонов по жизни считал себя – и не зря – человеком вдумчивым. К решению каждого вопроса подходил издалека, с перспективой. Вот уже решился вопрос по участкам для дач, их распределили, первым «очередникам» показали их «наделы». У Насонова чесались руки что-то попилить да построгать. Вроде бы хорошо? Хорошо. Но все это надо купить, привезти. Поехал Вова узнавать, где взять и как доставить, чтобы повыгоднее. Познакомился с какими-то армянами, узнал их «дела». У одних армян свой бизнес – возят древесину, у других армян – другой, делают стройматериалы, у третьих – автосервис, и так далее. Вот и перспектива, все когда-нибудь понадобится, надо с людьми поближе познакомиться. Язык у Насона подвешен, слово за слово, тут армяне и рассказали за таможеню. Оказывается, много чего знают. Вот, например, скоро в аэропорту, который недалеко от города, тоже будет своя таможня. Страна-то развалилась, все бывшие республики стали другими государствами. Наверху решили, как бы поставить границу и проверять, кто и что возит туда-сюда. Пограничники в аэропорту уже работают. Но они проверяют только паспорта. А вот за товарооборотом, как говорят армяне, сейчас на этих рейсах следят менты. Лютуют – не то слово. Дерут по три шкуры, и знакомые вроде есть, но все равно тоскливо. А в Армении сейчас тяжело, туда надо и деньги отправлять, и продукты, и товар какой-никакой, те же шины – дефицит страшный, словом, есть чем заняться. И вот если бы в ту открывающуюся таможеню попасть...

– И все-то твои армяне знают! – воскликнул Виктор.

– Знают, – твердо сказал Насонов. – У них от их знания и бизнес, а может – и жизнь зависит. Сейчас Россия им – чужая страна, а они хотят своими тут стать. Их же плющат со всех сторон!

– Ну, допустим, – проговорил Василий. – Но таможни в аэропорту нет – раз, какая ситуация сейчас с набором личного состава в Городской таможене – неизвестно, это два.

– По набору можно у Ваньки узнать, – предложил Виктор.

– Можно, – сказал Насон, – вот только я предлагаю все же не торопиться. Пусть кто-нибудь другой попробует, тот же Асадуллаич или Конь, они вроде уже лыжи наострили, чуть не завтра собрались документы на увольнение подавать. Потерять все в один миг недолго, а потом куда? И где гарантия, что попав в Городскую таможеню, ты потом сможешь попасть в таможеню аэропортовскую? Организации-то наверняка разные...

– А точно еще никто из наших к таможенным кадровикам не ездил? – поинтересовался Виктор.

– А что? – в голос спросили Насонов и Коробков.

– А то, что это тоже надо у Пичугина узнать. Если кто ездил – это будет полезная информация, спросить тихонько можно, а если нет – пусть Ванька подробнее и узнает, что там и как, какие условия, требования. И по аэропорту тоже. Все, что сможет.

– Слишком мы на Пичугина рассчитываем, – завел свою канитель Коробков. – Много кто водиле доверяет? У вас в части водителями солдаты. Что они могут?

– И что ты предлагаешь? – завелся Насонов. – Других вариантов пока нет. Да и вообще... Может, им военные даром не нужны.

– В смысле? – нахмурился Виктор.

– Ну, не знаю... бухгалтера, экономисты. Там же с деньгами работа, с товарами. Кино про таможеню есть, смотрел, – так не помню я, чтобы там что-то по военной теме было. Проще попробовать к погранцам перевестись, вот только стоит ли?

Все замолчали. Подойдя к своему дому, Витя пожал друзьям руки, расставаясь до завтра.

– Короче, так, – подвел итог Насонов. – Ты, Витя, у Ваньки узнай тихонько по кадровикам. Я постараюсь узнать, чего смогу, в ближайшие дни у армян, они мне доски должны привезти. А ты, мой дорогой свояк, держи руку на пульсе у Даньки и Коня.

– И у Плаксина еще, – пробормотал Вася.

– В смысле? – взвился Насон.

– Он... в общем, они сейчас втроем частенько собираются.

Гордеев знал, что Плаксин и Насонов одно время крепко приятельствовали, но потом их отношения немного охладели. У Степы, единственного среди их общих знакомых, был свой автомобиль – пригнанная с места службы из Германии реэкспортная «Лада». Насон давно хотел купить машину, но пока возможности не было, а с началом строительства дачи мечта явно отдалялась еще на какое-то время. По характеру Вова не был завистливым, он скорее был очень настырным и мог долго идти к намеченным целям, покоряя одну за другой постепенно и не торопясь. Но Виктор каким-то шестым чувством понимал, что вот именно наличие машины у Плаксина не дает покоя Насонову. А может, они у армян встретились?

– Ладно, – подвел итог Насон, – утро вечера мудренее, завтра или когда там, что узнаем – пообщаемся.

Но в следующий раз пообщаться по теме им пришлось нескоро. Командировки, учебные тревоги, увеличение нагрузки в служебное и внеслужебное время препятствовали нормальному общению, а обсуждать все на бегу никому не хотелось. Почти полгода не было даже нормальных выходных, «тревожный» чемоданчик Виктора не успевал покрываться пылью. Татьяна управлялась с дочкой одна, и Виктор стойчески принимал все женские обиды и претензии. Объяснять что-то жене было бесполезно – при всех обидах Татьяна все же осознавала, что в подобном ритме живет не только их семья. Но облегчить ее быт он практически не мог. Оставалось только терпеть, обещать «прекрасное далеко» и – ждать.

Однако все когда-нибудь заканчивается. И в тот день, когда Гордеевы всей семьей, по приглашению Насоновых, выбрались к ним на «фазенду», никто не хотел вспоминать былые трудности. Конечно же, были и Коробковы.

– Ну ты, Вова, даешь! – Татьяна аж рот раскрыла, когда вошла в ворота садового товарищества. Первый же участок возле ворот, здоровенный, на нем уже стоит сруб, посадки! – Это вы когда же успели?

– Честно сказать, я никому не даю, обычно дают мне, – Вовка ущипнул Машку за задницу и еле увернулся от тряпки в ее руке. – И в будущем надеюсь, что будут давать, и помногу, да, Вить? – подмигнул он Виктору.

– Вы это чего? – засмеялась Галка Коробкова. – В «голубые» записались?

– А это секрет! – засмеялся в ответ Гордеев.

Мужчины проделали всю необходимую, по мнению Вовы Насонова, тяжелую работу и занялись шашлыком. Женщины, приглядывая за детьми и нарезая овощи, чесали языками.

– Он ведь мне жизни не дал все это время, – жаловалась Мария. – Каждый вечер – пошли да пошли, уже и сил нет никаких, у него спина болит, у меня все ломит! Назавтра опять по новой! Но ведь для себя, девочки!

– Так они и нас с собой иногда таскали, мы же отказать-то не можем! – хохотала Галка.

– Какие вы молодцы, – вздохнула Татьяна.

– Не сучай, все впереди, и нам с вами дадут потом по участку, – затараторила Галка, – отстроимся так, что все завидовать будут! Не кисни...

Виктор как будто почувствовал взгляд жены и обернулся. Но она уже опустила глаза.

– Первая порция готова! – объявил Насон. – Васек, наливай.

Насонов был старше Виктора на два года. Ни внешне, ни на службе это никак не проявлялось, тем более при одном звании. Но как-то само собой получалось, что в неформальной обстановке Насон всегда был лидером. Виктора это немного задевало, хотя откровенно, даже самому себе, признаться в этом он не хотел.

Все устроились на импровизированных лавках у почти что настоящего стола. Татьяна держала Дашутку у себя на коленях, Виктор сидел рядом.

– За вас, Насоновы! Вы лучшие! – подняла она рюмку. – И нам не отставать, да, Витя? Видимо, жена решила сегодня нарезать. Что ж имеет право, подумал Гордеев.

Постепенно все расслабились.

– Дом будет двухэтажным, – усталый Вова быстро опьянел. – Вот тут беседку поставлю. Тут – туалет. Бассейн вырою, карпов туда запущу и рыбачить буду.

– Хватит места-то? – Сомнения у Коробковых были делом семейным, поэтому никто не удивился Галкиному вопросу.

– Так смотри, сколько его. Тут корт теннисный можно сделать... ну, в принципе, мне он на фиг не нужен. Там место жене, пусть садит, что хочет, и на закус, конечно. Эх, развернись!

– А кто тут еще из наших рядом? – поинтересовалась Татьяна.

– Во-он там Асадуллаич место получил, но там низина, не знаю даже...

– Это правда, что он на увольнение по собственному подал? – не понимая, Татьяна начала разговор, который сами мужчины никак не могли возобновить с того самого вечера.

– Имеет право, Ельцин закон подписал, а пять лет у него после училища давно уже прошли, – тихо проговорил Насон. – Квартиру тоже теперь не отберут, так что...

– А ты откуда знаешь? – повернулся к жене Виктор.

– Тайку Плаксину видела, она и сказала.

– А про мужа ничего не сказала?

– Нет. А что?

Виктор посмотрел на «сестролюбков». Те переглянулись между собой.

– Мальчики, – медленно проговорила Мария, заглядывая мужикам в глаза, – мы чего-то не знаем?

Спиртное не способствует крепости языка, особенно когда вкупе с ним выступают немного непонятливые жены. Пришлось рассказать им все, что знали по таможне до этого, и узнали потом.

Увы, узнать потом удалось немного, Коробкову так вообще ничего. Виктору Пичугин рассказал, что к кадровикам надо заранее звонить и записываться, прием идет жесткий и долгий, военных берут так же, как и остальных. Набор идет постоянно, но медленно.

У Насонова информации было побольше. Армяне сказали, что в аэропорт уже стали приезжать таможенники, но пока они обслуживают не все рейсы, а только в так называемое «дальнее зарубежье» – Турцию и Арабские Эмираты, вылеты и прилеты. Под это дело в аэропорту выделены целые помещения, которые все так и называют – международный сектор. И там сейчас, что самое интересное, верховодят и как бы обучают местных таможенников какие-то москвичи, приезжие, вроде с Шереметьева, но откуда точно – никто не знает. Зато другое известно точно – местные таможенники на этих рейсах работают от силы минут 15, их как бы учат, как правильно работать, а потом те самые «москвичи» их отправляют восвояси, и начинается то, что в порядочном мире называется «бардак». На вылетах пассажиров конкретно дербанят по поводу количества вывозимой валюты, а по прилету – по поводу количества ввозимого товара и оплаты за него. После рейсов «москвичи» с набитыми карманами прибывают в гостиницу, находящуюся возле здания аэровокзала, в которой они постоянно проживают, вызывают проституток, благо огромное объявление с телефонами висит прямо у входа в гостиницу, и гуляют. По сути, они никому не подчиняются, сколько они будут еще находиться в аэропорту – неизвестно. Местные таможенники их не любят, понимая, что «москвичи» не дают местным разгуляться; менты не хотят ни «москвичей», ни местных таможенников, ведь большой кусок вырывается у них изо рта; армянам не нравятся ни первые, ни вторые, ни третьи, но они понимают, что с кем-то договариваться все равно придется.

– Дурдом! – запричитала Галина. – Мужики, ну зачем вам это надо? Неужели нельзя спокойно деньги заработать?

– А мне вот про простилом интересно услышать было, может, они за этим в таможенную собрались? – заржала Маша.

– Вася, ну-ка ответь мне честно, это все серьезно? – Галина была уже явно «выпимши».

– Да замолчи ты! – взорвался Вася. – Вчера только зудела – это надо, то надо! Сейчас время такое, не обманешь – не проживешь. Надо только вырваться – а потом нормально жить.

– Не кричите вы, детей не пугайте, – постарался успокоить всех на глазах протрезвевший Насонов.

– А как же офицерские звезды? Мечта о генеральских погонах? – спросила Татьяна.

– Так погоны и там есть, и генералом наверняка можно стать... когда-нибудь... – проронил Виктор.

– Но ведь опасно ж, ребята! – не успокаивалась Галка. – Могут и в тюрьму посадить, и... не знаю...

– ...руку отрубить, – попытался разрядить обстановку Гордеев. Все засмеялись.

– Давайте домой собираться, – сказала Татьяна, – поздно уже. Володя, куда тут мусор собирать?

– А вот за это не волнуйтесь! – весело ответил Насон. – Для этого здесь есть Палыч.

Как оказалось, в садовом товариществе уже был сторож, пожилой мужичок. По какому-то конкурсу он был избран на эту должность, при этом ему была выделена небольшая, но уже готовая к проживанию избенка у ворот, практически напротив участка Насона. При получении участка, первым делом, Вова познакомился с дедком и узнал его пристрастия. Таковых было два – написание стихов и употребление спиртного. Насон не имел ничего против ни первого, ни второго. Тем более, что тетрадку со стихами – весьма, кстати, неплохими, – Палыч доставал после употребления «за воротник», а употреблял он, к счастью, нечасто и не со всеми. Они заключили неформальный договор: Володя будет помогать деду спиртным и по возможности по жизни, а Палыч будет следить за дачным участком, иногда прибирать за Насоновыми, если вдруг будет необходимость. Вот такой случай наступил.

– Еды столько осталось, – посетовала Галина.

– У Палыча ничего не пропадет, – заверил Насон.

Домой Гордеевы шли, не торопясь. Виктор нес спящую Дашу на руках.

– И ты что по всему этому делу думаешь? – тихонько спросила его Татьяна.

– Не знаю даже. Надо посмотреть, как у Дани дела пойдут, и там уже будет видно. А что?

– Да так, – вздохнула жена. – Поговорку вспомнила: лучше жалеть о том, что сделано, чем о том, что можно было сделать. А вообще – из меня могла бы выйти неплохая генеральша! Как думаешь? И какая разница, какие у тебя там будут погоны...

– Ты сейчас серьезно?

– Насчет генеральши или вообще?

– Вообще...

– Не знаю, Витя. Думай сам.

Глава 4

Думай сам.

Легко сказать. По сути, если в таможенную идти – это надо жизнь сначала начинать. Возраст позволяет, конечно, но... так ведь хотелось стать военным! И теперь получается – все в трубу? Что родители скажут? Когда в отпуск приезжал, они так всему радовались! Может, не так там все хорошо, Асадуллаич быстро все раскусит и свалит оттуда? И не надо будет голову ломать? А если все же там неплохое место, и все должности быстро расхватают – что тогда? Локти кусать?

Виктор никогда не думал, что он способен заниматься столь долгими рассуждениями на одну и ту же тему. Отчасти его это бесило. Казалось бы, чего проще – дожидаться отзывов о новой работе от тех, кто туда пойдут первыми. Но где-то внутри сидел червь какой-то неудовлетворенности – почему он не в их числе?

К счастью, ждать пришлось недолго. Ближайший понедельник принес свежие вести. При этом сведения о количестве «первых ласточек» превысили начальные прогнозы – в таможенную двинули сразу трое: Шайхуллаев, Конев и Плаксин. По этому поводу даже было проведено офицерское собрание, на котором замполит задвинул речь в духе коммунистических 80-х, предложив единодушно осудить «рвачей и хапуг». По старой памяти он призвал присутствующих к их «партийной» совести, однако, услышав в ответ громкий хохот и увидев конкретный взгляд командира части, быстро исправил совесть на «офицерскую».

– Интересно, какие им на выход характеристики дали? – задумчиво проронил в столовой Гордеев.

– Какие бы ни дали – сейчас уже все равно. Раз уволились – значит, их там уже берут. Ждем-с информацию с места событий! – резюмировал Насонов.

Будни прошли в томительном ожидании. Зато в выходные означенная выше тройка и их жены были самыми популярными персонами в Сосновке. Гордеев, Насонов и Коробков решили по-своему – никого не беспокоили, не слушали, помучались, но кое-как выждали еще неделю, а потом отправились к Плаксиным. Жен решили не брать – чтобы было меньше лишней трепотни. Таисия для порядка поворчала по поводу количества гостей в последнее время, но Степан взял все в свои руки и принялся удовлетворять их любопытство.

Как выяснилось, всех троих скопом взяли именно в филиал от Городской таможни, называемый таможенным постом «Летный», который располагается в аэропорту. Таможне там выделено два сектора – пятый и шестой, на них и оформляются вылеты и прилеты международных рейсов, остальные секторы аэропорта, от первого до четвертого, работают по рейсам внутри страны. Схема работы таможенного поста – круглосуточная, как и работа самого аэропорта, поэтому таможенники работают по тому же графику, как и остальные, в четыре смены. Бывших офицеров раскидали по разным сменам, дали каждому по наставнику, по куче документов для зубрежки, ну и начали тихонько привлекать к работе. В основном это – досмотр пассажиров и их багажа, прилетающих и улетающих. Приходится иногда копаться в таком непотребье...

– Вот представьте, – захлебываясь впечатлениями, пояснял Степа, – вылетает тетка в Ташкент, и у нее здоровенная сумка! Мой наставник, Иваныч, говорит мне: досмотри сумку, что там у нее? Я открываю сумку, а оттуда вонища...! Начинаю там копаться – мама родная, там трусня нестиранная, носки какие-то, штаны – и тут же колбаса, курицы лежат, без мешков, практически в этой трусне завернутые. Вот как они потом это жрать-то будут? Чуть не стошнило.

Все ржут. Потом начинают спрашивать:

– И что, Степа, ты в таможеню пошел, чтобы в грязном белье копаться? Руки-то сегодня мыл хоть, а то я с тобой поздоровался? Тая, ты его хоть дезинфицируешь, прежде чем в кровать пускать?

– Так, ну-ка хватит! – Таисия не по делу закипятилась.

– Да не обращай ты на них внимания, это они от зависти...

– Конечно, от зависти, у нас же дома курица без запаха... – напоминает Коробков.

Хохота еще больше. Маленькая Нюра начинает интересоваться, чего это всем так весело, и занервничавшая Тая уводит ее на кухню.

– Документов много, конечно, – продолжает Степка. – Как прочитаешь что-нибудь, ум за разум заходит. Все настолько заумное! Я вот прочитал одно выражение – адвалорная ставка пошлин, так мне оно сегодня ночью приснилось, кошмар! И надо все выучить, иначе зачет не сдам, печать не дадут и к самостоятельной работе не допустят.

– Коллектив-то нормальный? – спросил Виктор.

– Да нормальный, я еще не со всеми сошелся, конечно, даже в своей смене, но потихоньку общаемся. Выпивали пару раз, но немного, без излишеств. Смена небольшая, пять человек, начальник Иваныч и четверо остальных, отношения вполне себе, без армейщины.

– А где москвичи? – поинтересовался Коробков.

– А нет их! – воскликнул Степан. – Давно нет, отправили их уже в столицу. Командует постом местный мужик, Беранин фамилия, худой и длинный, на Коня нашего похож, нос такой же. Зам у него Замышляев, «афганец», по морде видно – алкаш, но пьяным его еще не видал.

– Ну и начальство, – засмеялись собеседники.

– Да что, господа, нормально, у нас... а-а, у ВАС, да-да, у вас здесь лучше, что ли? – попытался уколоть Степан.

– Расскажи, как в целом твой день проходит, – попросил дотошный Коробков.

– Рабочее время с 8 до 20 в день, потом с 20 до 8 утра в ночь. Два дня потом отдыхаю – вот сейчас как раз. Удобно! Приезжаю в порт – так его называют все, не аэропорт, а именно порт, – машину ставлю на стоянке перед портом, стоянка для нас бесплатная. Удостоверения пока нет, но Иваныч подошел к охраннику, и меня там записали. Пришел в портовый зал, зашел в наше помещение, все это «пассажирка» называется, мы ж с людьми работаем. Пока тепло, не переодеваюсь, а когда форму дадут, можно будет там одежду в шкафах оставлять. Слева – сектор вылета, справа – сектор прилета, посередине наша комната. На каждый день есть расписание, мы знаем, кто куда летит, нам об этом служба перевозок говорит. Там девчонки работают, есть ничего такие...

– Кто там есть? – подала голос с кухни Таисия.

– Ты основное слушай, я тебя спецом проверил, ты и прокололась, – повысил голос Степан. – Я в основном сижу и читаю документы, как башка распухнет, пойду покурю или Иваныч меня на рейс вытаскивает. На хискан еще не вставал...

– Куда? – в три голоса спросили собеседники.

– Это аппарат просвечивающий, типа рентгена, там видно, что в сумках да чемоданах. Две штуки на каждом секторе. Чего еще? Кто-то на хискане, остальные на стойках. Перед рейсом народ декларации заполняет – небольшие такие листочки, там пишут про себя, чего вывозят ценного, денег сколько с собой. Мы все проверяем, смотрим документы, багаж с ручной кладью – если все нормуль, ставим печать ему в декларацию и отправляем на регистрацию рейса. Дальше – к ментам, через погранцов и в накопитель на вылет. По прилету – так же декларации, только уже по ввозу, от погранцов к нам, на проверку, так же шмотье через хисканы, ну и на выход. На самолет ходил один раз, проверяли чего-то там, но вот честно – там вообще не представляю, где можно что-то найти, он же огромный! Хотя с экипажами, говорят, проблем не бывало еще ни разу. Я, конечно, многого не понимаю, неделю отработал-то всего. Так, кой-чего замечаю по мелочи.

– И чего? – высунулся Коробков.

– На своей стойке ты царь и бог, законов никто, кроме тебя, не знает. Ну, или почти никто. Каждый норовит тебя умаслить. По прилету, видел, у мужиков наших уже есть знакомые – можно, к примеру, шмотки по дармовой цене заказывать с той же Турции. Иваныч мне просто сказал: хочешь нормально работать – смотри, учись и молчи. Это понятно, если кто начнет языком чесать – пиши пропало! С ментами сейчас договорились, а раньше, говорят, они были готовы на нас конкретно наезжать, бумаги писать, раз мы тут встали перед ними. Но все порешали мудро, всем хорошо. Зато наработки ментовские есть, – засмеялся Степа, – используем. Армяне полетели, в накопителе на вылете толпа – не продохнуть. Тащит один жирный армян шины, пять штук, к хискану, собирается их вывозить. О чем они там с Иванычем не договорились – не знаю, только Иваныч берет ключи от двери, которая сектор вылета с улицей связывает, открывает ее, и одну за другой шины с крыльца – в сторону стоянки. Выпускает туда жирного ловить эти шины, закрывает за ним дверь и садится дальше оформлять следующего. Теперь армян сначала шины должен собрать, потом снова зайти, по толпе пройти до Иваныча – все по новой! Это менты раньше постоянно практиковали, как мне сказали, теперь и таможня этим не брезгует. Барагозить почти никто не пытается, так, по минимуму. Боятся власти.

– Ты-то взял уже свою первую взятку? – спросил Виктор.

– Хватит херню спрашивать, – обиделся Степан, – я там без году неделя, не понимаете, что ли? Меня и не пускают никуда, это же ясно. Я вижу, когда они после рейса приходят, шушукуются. Но это дело не мое, я этого не видел и ничего не слышал. Надо быстрее осваиваться, в общем, а там видно будет.

– Но первое впечатление уже есть? Не сомневаешься – правильно все сделал? – Коробков был в своем репертуаре.

– Мне кажется, я не пожалею, – помолчав, ответил Плаксин. – Есть там... нечто. Никто не пожалеет. Так что думайте.

– Ну, все обсудили? Ужинать будете или нет? – грозная Таисия выплыла из кухни. – Мне семью надо кормить...

– Нет, нет, мы домой, – засобирались гости.

В маленьком коридоре обозначилась сутолока.

– Да, вы же главного не знаете... – на прощанье, как бы нехотя пробурчал Степа.

Все замерли.

– И чего же? – выдавил молчавший весь вечер Насон.

– Во-первых, Ванька Пичугин сейчас работает в аэропорту, возит начальника Летного поста, вот этого носатого Беранина. Случай смешной рассказывал – приехал за ним, а тот мусор выносит, в маечке одной, ручки тоненькие как спички, башка здоровая, и нос! Видуха еще та...

– Ты именно это хотел сказать? – не унимался Вова.

– Нет. Помните, недавно Коля Ткачев уволился? Так вот он тоже там работает, только не на «пассажирке», как мы, а на грузовых перевозках, там грузовые самолеты летают и тоннами товары возят, вот он по этому профилю. Короче, он, оказывается, за нас слово замолвил, и в кадры, и Беранину. Не то, чтобы он там какой-то авторитет, просто его спросили – он сказал. С ним Гоша Конев общался, вот. Вам это может пригодиться. Вы бы все равно узнали, так что... какие тут секреты?

Колю Ткачева все знали. Но ведь каков гусь? Его знают все, а про него – никто. Молодец..!

– Ну что, решаемся? – едва выйдя из подъезда, сказал Виктор.

«Сестролюбы» промолчали. Так в молчании они медленно шли, почти автоматически сказав друг другу «пока» при расставании. Было что обдумать.

Первое, что услышал Гордеев, зайдя домой, – шепот жены:

– Дашка спит. Давай, рассказывай.

Поднявшийся вроде голод прошел сам собой. Виктор пересказал рассказ Плаксина, опуская ненужные детали. Когда речь зашла о Ткачеве, Татьяна нахмурилась:

– Вот засранец! То-то я смотрю, он разговаривать почти перестал. Брякнет «привет» и бежит.

– А я вообще не помню, когда видел его последний раз, – признался Витя.

– Тем более тебе надо его найти и поговорить. – Шепот жены перешел в нормальную речь. – Он, похоже, самый толковый среди вас, раз раньше всех понял, куда нужно срулить. Давай ужинай, ложись спать, а завтра – искать Ткачева.

Это было понятно и ежу, но что-то говорить сейчас на эту тему жене совсем не хотелось. Витя полез было за едой в холодильник, но решил обойтись чаем. В голове крутилось одно: «Утро вечера мудренее».

Разыскивать Ткачева не пришлось. На следующий день они нос к носу столкнулись у магазина.

– А-а, тихушник, ну-ка, поди сюда, – обрадовался Виктор.

– Тихо, не ори! – оборвал его Николай. – Пошли, отойдем.

По словам Ткачева, о таможене он узнал уже давно. После того, как туда устроился его знакомый, Коля уже не думал. Проверяли его примерно полгода, потом ушло время на увольнение. Он специально никому не говорил об этом, чтобы не было лишнего шума. И Пичугина, когда увидел, попросил не трепаться, но было уже поздно.

– Ты, Виктор, – ударяя на «о», шептал Ткачев, – долго не думай. Здесь у тебя будущего нет. А там перспективы. Сейчас пойдет расширение, наверняка будет потом отдельная таможня. Вот тебе и карьера. Мужик ты исполнительный, неглупый. Будешь язык за зубами держать – не пропадешь. Нет – свои же сольют. Там с этим жестко. Мы с тобой друзьями никогда не были, но... В общем, надумай – скажешь. Наберем еще нормальных ребят из наших и организуем там сосновское землячество! Как тебе такая идея? Вот будет приколы! Все, бывай.

Глава 5

Первые таможенные «ласточки» постепенно обустраивались в аэропорту. Они получили форму, сдали зачеты, получили печати и начали работать самостоятельно. В частных разговорах все чаще стали проскальзывать незнакомые раньше слова и выражения – челноки, чувал, шоп-тур, партия товара. У ребят, их жен и детей стали появляться новые красивые вещи – одежда, обувь, аппаратура, игрушки.

Конечно, не все было безоблачно. Криминал искал возможности что-то провезти, с кем-то о чем-то договориться. Плаксин рассказывал о том, что на одном из среднеазиатских рейсов в багаже были обнаружены два пистолета, позже – две большие упаковки опия-сырца. Мелкие упаковки серьезной наркоты попадались немного чаще. Наркоту несерьезную, типа насвая, тоже не пускали, по своей, внутренней договоренности, – ввозивший пассажир мог засунуть себе в рот столько, сколько смог бы уместить, остальное безжалостно изымалось и выбрасывалось. В месяц только смена, в которой работал Степа, могла отобрать до сотни килограмм этой гадости. Попадалось и оружие. Однажды ночью при досмотре невостребованного багажа на кавказском рейсе одной из смен были обнаружены два автомата, завернутые в тюки с тканью. Хозяина тюков так и не нашли. При этом на таможенников периодически пытались выйти различные криминальные элементы, предлагалась конкретная и весьма немалая мзда за провоз откровенной контрабанды. К счастью, у всех хватало ума не соглашаться на подобные предложения. Непонятливых собеседников отваживали в основном на словах, впрочем, раз начальнику одной из смен пришлось дать «шумовым» из табельного газового «Макарова».

Коробков решил свое поступление в таможду пока отложить. Насонов все лето был занят дачей. Виктор протянул до зимы. В кадры Городской таможни пришлось ехать, прикинувшись на службе заболевшим. Это оказалось не так сложно, да и заболеть «по-большому» в первый раз за шесть лет – само по себе достижение не только для офицера, но и вообще для мужчины. Так что угрызения совести по этой части его совсем не мучили. Гордеев одел свой лучший – и единственный гражданский, правда, – костюм, белоснежную рубашку и подаренный женой синий с отливом галстук, начистил до блеска ботинки. Пальто и ондатровая шапка немного уступали в блеске и новизне ботинкам и галстуку, но совсем не портили общей картины. С документами в кармане и газеткой в руке, Виктор достаточно быстро добрался до центра города, а вот дальше найти невзрачное пятиэтажное здание, где находилась Городская таможня со всеми ее службами, ему помогли только советы уже устроившихся «коллег». «Ну и дыра!» – чуть не вырвалось у Гордеева, когда он подходил к довольно обветшалому зданию на узкой, заставленной машинами улице, на крыльце которого стояла и курила разношерстная толпа. Тут были и таможенники, и делового вида граждане обоего пола, и откровенного вида жулики, и какие-то вульгарные девицы... Когда Виктор аккуратно просочился мимо и вошел в хлипкую дверь, ему казалось, что вся эта толпа сверлит своими взглядами его ондатровый затылок.

– Слушаю вас! – на входе стоял турникет карусельного типа, а в рядом находившемся «аквариуме» сидел таможенник, красным лицом и звездами на погонах напоминавший прапорщиков с сосновской части. Именно он и «слушал».

– Здравствуйте! – поставленным армейским голосом начал Виктор. – Моя фамилия Гордеев, я записан на прием в отдел кадров на 11-00.

– На работу к нам пришли устраиваться? – заулыбался «прапор».

«Тебе какое дело?» – почему-то разозлился Витя. Но не успел он ответить, как на столе у краснолицего зазвонил телефон.

– Вахта. Да. Да, вот он, только подошел. Хорошо. Как раз насчет вас звонили, – положив трубку, опять заулыбался «прапор». – Документы покажите... Угу... Этаж третий, кабинет 311, проходите.

На лестницах и в коридорах было весьма суетливо, все куда-то спешили, перекрикивались и переругивались. «Похоже на сумасшедший дом» – подумалось Вите. Настроение было уже не то. И некоторая тишина, царившая на третьем этаже, его не успокоила. Вид стен, обвалившейся кое-где штукатурки, плохо покрашенные двери – Витя почему-то вспомнил Насонова. Увидев цифры 311, он подумал, что толкать дверь сильно не будет – вдруг сломает?

– Разрешите? – он вошел в кабинет. – Здравствуйте, я Гордеев.

– Да, здравствуйте, берите стул, присаживайтесь.

У кадровика, его звали Анатолий Юрьевич, оказалось крепкое рукопожатие и пристальный взгляд. Формы на нем, что удивительно, не было. Они обменялись несколькими фразами о жизни и погоде. Витя начал осматриваться. В кабинете стояли еще два стола, но за ними сейчас никто не сидел. Стены были украшены разными календарями и плакатами.

– Особо не обращайтесь внимания на все это, – сказал Анатолий Юрьевич. – Спасибо всем администрациям, какие есть, за то, что они нам хоть такое помещение выделили. Это ж бывшая технарская общага, вон он, техникум, рядом стоит. И пятый этаж им все еще принадлежит. Мы начинали вообще в бывшей гостинице КГБ, так и сидели напротив них, представляете – дверь в дверь! Потом дали полэтажа рядом с минторговли, потом полэтажа еще где-то... Маразм! Сейчас мы хоть в одном месте. Ремонт нам потихоньку делают, мы же государству денег приносим немало, пусть и на нас потратятся. Ну, это так, общее. Теперь о вас.

Начались вопросы: кто, что, зачем, почему, какая семья, где родился, когда женился, куда бы хотел пойти работать, почему... Пришедшая чуть позже симпатичная женщина дала ему два больших листа. Один из них, анкету, Виктор заполнил быстро, со вторым пришлось помучиться. Что-то типа психологического теста, понял он, но в итоге осилил и его. Анатолий Юрьевич иногда что-то писал, иногда наблюдал, пару раз подсказал, когда Витя долго думал над какими-то вопросами. Все собеседование заняло чуть больше двух часов.

– В целом пока все, – резюмировал кадровик. – Мы обработаем полученную от вас информацию, подумаем, переговорим с руководством. Лучше, если вы мне перезвоните где-нибудь через месяц, если вопрос не решится – оговорим время следующего созвона. По срокам решения вопроса точно не скажу, но это не быстро, все упирается в ставки, и в кандидатов, конечно. В любом случае вы не первый офицер, которому придется пройти через определенные процедуры, прежде чем попасть на работу к нам. Также хочу сказать, что с учетом развития Летного таможенного поста мы рассматриваем кандидатов с перспективой работы именно там, но – все может быть. Поэтому запаситесь терпением.

– Я все понял, – проговорил Виктор, чувствуя некоторое разочарование.

– Вы сейчас сразу домой или еще по городу пройдетесь? – решил закончить разговор на позитивной ноте Анатолий Юрьевич. – Если не так часто к нам выбираетесь, посмотрите центр, пройдите по магазинам.

– Не знаю, посмотрю еще. Может, зайду куда перекусить.

– Тут недалеко кафе неплохое, возле техникума. И недорого.

– Только в столовую мединститута не ходите, – подала голос кадровичка и тут же приснула в кулачок.

– А что там такое? – поинтересовался Анатолий Юрьевич.

– Ребята как-то ходили туда поесть. Выходят наевшиеся, и тут их менты встречают, говорят – можно вроде как на два слова? Пошли они с ментами, мысли всякие в головах. Заводят их за институт, там парень молодой стоит с лопатой и еще менты. Нашим и говорят – так и так, нужны понятые, помогите. Куда отпираться, раз пришли? Они согласились. Этот с лопатой стал снег раскапывать, под ним доски, а под досками – мертвяк, голый, представляете? Этот

парень ночью сожителя матери убил за то, что тот мать бил, утащил, закопал в снег, а утром пришел и признался. И вот наши только поели и смотрят, а мертвяк этот там желтый...

– Света, хватит уже! Нашла тоже, что перед обедом рассказывать! Вы ее не слушайте, – кадровик поднял брови и развел руки, словно извиняясь за выходку подчиненной.

– Да нормально все, – махнул рукой Виктор. – До свидания.

«Прапор» на вахте был чем-то занят и выпустил его без расспросов, лишь коротко кивнув. На крыльце одиноко стоял и курил только один таможенник, которому тоже не было дела до соискателя таможенной должности. «Ну, и слава Богу», – подумал Виктор. Он двинул прямиком на автовокзал. Перекусить ему уже не хотелось.

Выслушав обстоятельный рассказ мужа, Татьяна мужа ободрила:

– Нормально все! А чего ты ожидал? Что тебя сразу возьмут?

– Нет, конечно.

– Ты там появился, и это главное. Показал себя, сейчас про тебя у Ткачева расспросят. Долго это вряд ли продлится, – рассудила жена.

Но ни через месяц, ни через два его ничем не обрадовали. А уже ближе к весне оказалось, что Летный таможенный пост стал Летной таможней. Был назначен свой начальник, у таможни появился свой отдел кадров. Туда и были переданы все документы по Гордееву, оттуда и позвонили. Пришлось «болеть» еще раз и ехать на новое собеседование.

– Добрый день! Моя фамилия Подорожкин. Анатолий Юрьевич нам все передал, – с места в карьер начал начальник отдела кадров таможни, седой пенсионер с подстриженными усами и противным, каким-то подхалимским выражением лица. От него за версту тянуло военным прошлым. – Сейчас мы с вами побеседуем, Виктор Семенович, а потом с вами поговорит начальник Летной таможни, подполковник Филинов Михаил Николаевич.

«Странно, Степа говорил, тут вроде как советники какие-то, – вспомнил Виктор. – Или усатый не отошел еще от армейских привычек?»

Беседа с пенсионером не заняла и пятнадцати минут. Вопросы были те же, что и у городского кадровика. После этого кадровик местный задвинул речь. Суть ее заключалась в том, что служить Родине в таможенных органах – это высокая честь... и в таком духе. В заключение он сказал, что особое внимание руководство таможни и кадровая служба в частности обращает на офицеров, которые не понаслышке знают, что такое честь и дисциплина, поэтому при наборе данным кандидатам отдается особое предпочтение.

«Надо всех сосновских сюда гнать, пока не поздно!» – подумал Витя и невольно улыбнулся.

– А чему вы улыбаетесь? – спросил кадровик.

«Блиин!»

– Понимаете, не так часто услышишь в адрес офицеров в наше время такие слова. И это приятно, – промямлил Витя, глядя в глаза военному пенсионеру.

– Как я вас понимаю! – взлетел под облака кадровик. – У меня самого выслуга почти 25 лет. А сейчас такое время, когда офицеры должны помогать друг другу.

«У-у, понесло! А когда же к начальнику?»

– Теперь подождите в коридоре немного... впрочем, пройдемте в приемную, там присядете. И мы вас вызовем.

«Мы. Вот как».

Виктор повесил пальто в шкаф, сел на мягкий диван в приемной и осмотрелся. Молодая секретарша в форме что-то печатала, изредка бросая взгляды на молодого незнакомца. В Городской таможне секретаря он, конечно, не видел, но общее впечатление от этой таможни совсем другое. Здание небольшое, красиво отремонтированное, отдельно стоящее, судя по невыезженным еще конструкциям – бывший детский садик. Машины не толкуются на узкой улице, а стоят на просторной стоянке. Внутри – тоже все отремонтировано, и на входе не

вахтер-алкаш, а серьезный мужчина в отглаженной форме, все записал, вежливо поговорил. По лестницам никто не носится, не орет. Двери красивые. Кадровик, правда, подкачал, так ладно...

У секретарши прозвенел звонок, она нажала кнопку селектора:

– Слушаю, Михаил Николаевич.

– Нина, Гордеева пригласите.

Секретарша улыбнулась во все тридцать два:

– Проходите, пожалуйста.

«Как в «Мимино», ей-богу! ...Попросите Мизандари. – Вас...». Виктор кое-как скрыл улыбку.

На входе в кабинет было две двери, и вторая сразу не хотела открываться, пришлось толкнуть плечом, из-за чего намеченный вход в кабинет был слегка нарушен. Виктор поздоровался. В кабинете находились три человека. Помимо уже знакомого кадровика, за широким столом сидели еще двое. У одного было очень красное лицо и небольшая, но явно давно не чесаная борода. Планки на груди говорили о том, что он прошел Афганистан. Как и у кадровика, на его погонах была одна большая, отличающаяся формой от армейской, звезда. Виктор уже видел похожие звезды на форме у Плаксина и Конева, и понимал, что забивать голову не стоит – это майор, только таможенный. Второй, более солидный мужчина, сидел во главе стола. Звезд у него было две, располагались они по-прапорщицки. Видимо, это начальник – значит подполковник. У начальника было выражение лица, будто он проглотил лом, сидел он прямо, как бы набычившись, подбородок неестественно прижимался к шее. Присесть Виктору не предложили.

– Начальник отдела кадров дал нам всю необходимую информацию, – вымученным баском заговорил начальник. – Кроме того, дополнительную информацию о вас как о кандидате мы получили по своим каналам. Суммируя полученное, мы приняли решение о том, что вы, Виктор Семенович, нам подходите. В связи с этим ждем завершения вашей службы в одной структуре для того, чтобы начать служить Родине в другой. Вам все понятно?

– Так точно! – выпало из Гордеева.

Начальник встал. Выражение его лица и неестественность фигуры не изменились. Он протянул руку, которую Виктор, подойдя, попытался пожать. Однако ничего не вышло – потенциальный руководитель явно хотел произвести впечатление и чуть не сломал ему кисть.

– До свидания!

– До свидания, – просипел Гордеев, развернулся и вышел. Слава Богу, замки в дверях не заедали, иначе из-за отказавшей руки мог произойти еще один конфуз. Попрощавшись на выходе с секретаршей, он кое-как накинул и застегнул пальто, и почти бегом покинул здание. Рука болела, но сердце пело. «Меня взяли, МЕНЯ ВЗЯЛИ!!!» Как говорят – нет повода не выпить...

Глава 6

Тягомотина с увольнением из армии протянулась до мая. Вони было – никакими словами не передать. Виктор и не думал, что почти образцовый до поры офицер после подачи рапорта об увольнении может в кратчайшее время превратиться в последнего кретина, и по первости пытался отстаивать свою честь перед отцами-командирами. Однако потом он понял – так только затягивается время. Самое главное – из квартиры его никто не выгонит, пока он себе новую не найдет, закон для всех один, да и совесть у командования все-таки есть. После этого он спокойно сносил все претензии со стороны начальства, молясь об одном – быстрее бы все закончилось! И в момент, когда он получил на руки документы, счастливее человека не было на всей Земле. Про оставшиеся выплаты даже думать не хотелось – никуда не денутся, всем отдали, чем он хуже?

Степа уже ждал Виктора в машине.

– Ну вот, – хлопнул он Витю по плечу, когда тот сел рядом, – все и закончилось! Сейчас быстренько отвезем, отдашь Таракану документы для оформления, а вечером – накрывай поляну!

Плаксин очень изменился за время работы в таможне. Не только внешне – хотя одежда, безусловно, меняет людей. Степа стал как-то увереннее, наглее, что ли. Раньше он вряд ли назвал бы начальника отдела кадров по прозвищу. Виктор иногда не узнавал в нем того Степу, которого он знал еще год назад. Даже скорость, с которой они ехали – раньше Степан никогда так не гонял.

– Я Иванычу сказал, что ты должен вот-вот устроиться, – продолжал Степа, не отрывая глаз от дороги. – Говорю ему – нормальный мужик, зуб даю, давай его в нашу смену возьмем, я его – тебя, то есть, – сам буду учить всему. Иваныч обещал поговорить с Замышляевым.

Удивительно! Работает там всего полгода, может – чуть больше, и уже чего-то советует, учить вот собрался. Витя поражался – что случилось со Степой?

– Ты сам-то не против? – они встали на светофоре, и Плаксин впервые за время поездки посмотрел на Виктора.

– Я? Да нет, не против, конечно.

– Вот и я думаю, что будет неплохо. Со своим человеком в смене всегда проще. Научишься – будем вместе дела делать, на один карман. Связи наладим. У меня уже сейчас, можно сказать, есть связи везде и всюду. А с тобой будет еще больше! Ездить будем вместе, пока машину не купишь.

«Какая машина? Какие связи, какой карман?» Витя заерзал на сиденье. Плаксин говорил ему о каких-то далеких от понимания вещах. «Со своим человеком»! Хм. Своими-то никогда и не были, прилаживались – пожалуй, но это не дружба, чтобы секреты делить. Хотя... коллектив-то новый, и тут Степа явно прав.

– Чего задумался? – Степа не успокаивался. – Не бойсь, все будет нормально. Вот и приехали.

Таракан, то есть кадровик, был у себя. Виктор написал заявление, подписал необходимые документы, Степа снял у секретарши в приемной необходимые копии.

– Все, – подытожил Таракан, – для удобства оформления мы вас зачислим с первого числа.

– Вот видишь – это просто судьба! – засмеялся Степан. – Я как раз первого в день.

Вечером у Гордеевых собрались ввосьмером. Плаксин дал займы Виктору денег – типа, нет проблем, потом отдашь. Татьяна побурчала по этому поводу, но увидев, какой получился стол, притихла. Дети у всех были пристроены по знакомым с последующей ночевкой, так что попойка предстояла нешуточная, тем более что Степа притащил бутылку непитого доселе

виски. «Надо привыкать к заграничному!» – объяснил он. И «сестролюбы», и их половины смотрели на это, широко раскрыв глаза – после устройства Степана в таможенную службу в одной компании с Плаксиными им еще не приходилось. Ни Шайхуллаева, ни Конева не позвали – возможно, они работали, впрочем, никто вопросов по этому поводу не задавал.

Начали с тостов за виновника торжества, за друзей, за офицеров, за большие звезды, за прочие перспективы... Скоро все уже были пьяны. Степа начал жалеть, что не принес новый, только что купленный магнитофон – «давайте сбегаю, сейчас бы потанцевать!»! Насон с Коробком обсуждали преимущества и недостатки вискаря, который пришелся по вкусу больше всего именно им. Виктор, попробовав заграничную «самогонку», переключился на водку, а женщины – на вино. Степа тоже перешел на водку. Налив очередную стопку, он постучал по ней вилкой:

– У меня есть тост.

Все притихли.

– Давайте выпьем за взаимопомощь. Вот вы, наверно, думаете, что я сейчас имею немного денег и буду от вас отдаляться.

– О, нажрался уже! – затыкнула Таисия.

– Жена, тихо! – цыкнул на нее Плаксин. – Тихо! Я важное хочу сказать. Просто время сейчас такое – мало людей, кому можно доверять. И – не дай Бог! – что-то случится с кем-то из нас, кто поможет? Друзья, которые верят тебе, и которым веришь ты.

Тост явно затягивался.

– Сегодня моим коллегой стал Витя, завтра станет Вова, послезавтра – Вася. Серега Дубинкин, я слышал, вроде собрался. Здорово! Мы будем работать все вместе. Но там... все очень непросто. Поэтому – давайте выпьем за дружбу, доверие и взаимопомощь, в случае чего.

– Давайте!

Все чокнулись и выпили.

– И вот сразу, чтобы пересудов не было, – закусив, продолжил Степан. – У нас с Таей две новости.

– Беременна? – в голос сказали сестры.

– Тьфу, дуры, да сплюньте, – замахала руками Тая.

– Нет, не угадали. Первое – Тая у меня теперь работает в городе, ей предложили очень хорошую работу, и по деньгам, и по должности.

– Не понял – у тебя работает или где работает? – не допер Коробков.

– Не у него, а где – говорить пока не хочу. Без обид, ребята, – Таисия отвернулась.

– Там ей сейчас показать себя надо, – Степа положил руку жене на плечо, – если все будет нормально – ее главбухом поставят. Постучим по дереву и плюнем через левое плечо.

Стол затрещал, потом пошли плевки, перешедшие в общий хохот. После этого было выдвинуто предложение «налить и выпить за будущего главбуха» неведомой организации, которое тут же воплотилось в жизнь. Закусили.

– Из этой новости вытекает вторая. Раз работа у нее в городе – мы переезжаем в город. Не завтра, конечно, но в ближайшее время.

Тишина установилась такая, что стал слышны все уличные шорохи. Первой не выдержала Татьяна:

– А жить вы где там будете?

– Пока без подробностей, но есть один вариант, недалеко от центра. Все рядом, и до работы добираться удобно. Но пока это только между нами. Сами понимаете.

Да уж как не понять! Виктор поймал взгляд жены – типа, уяснил, как люди растут?

За новое место жительства тоже выпили, но как-то без излишней помпы. И после этого плавное течение славной попойки поменялось. Вроде и пили, и говорили о чем-то – но уже никто не смотрел собеседнику в глаза. Первой изменение ситуации осознала Таисия. Она что-

то шепнула мужу, он поцеловал ее в щечку, и, встав и сказав «ой, нам пора», достаточно быстро прошел в коридор. Тайка проследовала за ним. Договорившись с Гордеевым о времени выезда на работу, Степан с женой со всеми попрощались и ушли. После этого засобирались сестры. Насон был не против еще посидеть, но от Коробкова помощи ждать не приходилось, и Вова, дернув «на посошок», с каменным лицом первым вышел из квартиры.

– Черт дернул их сказать про этот переезд! – Виктор сел обратно за стол и, окинув множество несъеденного, налил себе водки. – Тебе налить?

– Да. – Татьяна села рядом. Выпили. – Ты как думаешь, они покупают квартиру, или снимать будут?

– Не знаю. Но если покупают – это что он, за полгода, получается..? Это сколько же они там загибают?

– Вы, дорогой. Теперь – не «они», а «вы». Привыкай.

– Допустим, с этой квартирой что-то придумали. Допустим – с Германии заначка. Ну, не знаю – родители помогают. Машину продаст? Вряд ли. Тайка на новом месте работать еще только начала. Нет, явно снимать будут.

– Вот на работу выйдешь и все узнаешь. А там, глядишь, и мы с этой дыры свалим, – жена зашептала винными парами прямо в ухо, и Виктор не стал сопротивляться поднысывшему желанию.

И вот первое рабочее утро. Как и договаривались, Степа заехал за Виктором, и они помчались в аэропорт. Само собой, Витя был в костюме, вот только галстук подобрать в тон вроде как не смог и немного сокрушался по этому поводу. Степа немного проинструктировал его, что делать в первый день, чтобы показать себя с наилучшей стороны. О прошедшей попойке Виктор вспоминать не собирался, но уже на самом подъезде к аэропорту Степа сам решил освежить «рану»:

– Не надо было всем про переезд говорить. Зря брякнул, по пьяни. Сейчас будут думать невеста что. Если вдруг тебя будут спрашивать, скажи, что снимать хату буду, ладно?

Виктор кивнул. «Вот все и разрешилось».

Степа загнал машину на стоянку перед аэропортом, на выходе кивнул рослому здоровяку, стоящему наверху возле будки с прожектором.

– Это Шурик, – пояснил он, – он старший здесь. Иногда к нам приходит проводить кого-нибудь.

Заходили через главный вход. Витя глазел по сторонам.

– Вот смотри, знакомлю, – Степан потянул Виктора за рукав. – Это наши кормилицы.

У входа стоял открытый киоск, в котором продавалась всякая снедь. Основными блюдами, судя по первому впечатлению, были сардельки и пиво. Две продавщицы в бело-голубых передниках откровенно пилились на Гордеева.

– Это наш новый сотрудник, его зовут Витя.

– Он немой, что ли? – засмеялась одна из продавщиц. Витя покраснел. «Черт, еще этого не хватало». Увидев его стыдливость, захохотали уже обе «сарделечницы».

– Будет в твою смену работать – будет твой, – прогрохотало сзади. Виктор обернулся. Над ним возвышался рыжеватый здоровяк.

– Иваныч! – протянул он широченную ладонь. Это и был «тот самый» начальник смены.

Чуть позже пришел еще один знакомый – замначальника таможни Замышляев. С красивой физиономией, нечесаной бородой и небольшим выхлопом (не соврал Степа!), он тихо зашел в таможенную комнату. Никто не кричал «смирно», не вставал по струнке – просто кто-то из тех, кто находился в комнате в момент пересменки, увидел его, стоящего у входной двери и поздоровался. «Это не армия», – вздохнул Виктор и улыбнулся. Замышляев коротко его представил, пожелал удачи, посмотрел по сторонам и тихо вышел из комнаты. Все продолжили заниматься своими делами.

В смене было шесть человек, Виктор стал седьмым. Все работали в форме, переодевание осуществлялось в основной комнате таможни, проходной между двумя секторами, или двух дополнительных комнатах – досмотровой или сейфовой. Имена представившихся коллег почти сразу вылетели из памяти, как он ни старался их запомнить. Разве только у единственной женщины – и то благодаря фамилии. Валя Сеновалова – такое забыть трудно! Явно далеко за тридцать, но молодящаяся. В перерывах между чтением плаксинских документов (копии для себя Виктор постепенно начинал делать на стоявшем тут же ксероксе) он успел узнать, что Валентина живет одна, у нее есть дочь, в таможне она недавно, а женщины есть в каждой смене для проведения личного досмотра пассажиров-женщин. Плаксин был то на оформлении рейсов, то где-то шлялся, остальные «коллеги» пока не имели особого желания спасать Гордеева от болтовни оппонентки. Тем временем большие Валины очки качались в такт рассказам, медленно гипнотизируя собеседника, и Виктор не мог дожидаться обеда, чтобы эта мадам хоть на какое-то время оставила его в покое.

– Так, пошли дальше со всеми знакомиться, а потом пожужим сходим, – Плаксин появился, когда Виктор уже начал изнывать от «диалога» с Сеноваловой.

Они вышли на сектор прилета и сразу завернули в соседнюю слева дверь.

– Тут пограничное царство, это накопитель, куда пассажиров высаживают по прилету. Вон там они багаж получают, – Степа показал в сторону закрытой двери напротив них, – потом через эти стойки, тут погранцы сидят, и к нам. Вон там – туалеты, наш дальний.

Это было весьма кстати. Выйдя из туалета, Виктор увидел Степу с каким-то подполковником.

– Знакомься, Сергей, это Виктор, наш новый работник.

– Ухов, – подал руку подполковник. И тут же повернулся к Плаксину: – А Валька-то на смене сегодня?

Степа ухмыльнулся.

– Да, в комнате сидит.

Ухов, не прощаясь, двинул в сторону проходной комнаты. Вскоре они вышли вместе с Сеноваловой и о чем-то зашептались у двери. Степа потащил Гордеева мимо шепчущихся в еще одну комнату. Там было настоящее женское царство.

– Девушки, прошу любить и жаловать, наш новый работник Виктор. Весь собой красавец, как видите, прошу не обижать.

Сидящая за столом женщина, чуть постарше остальных, осведомилась:

– У нас будет работать или командированный?

– Нет, это уже точно наш, штатный. А в смене закрепится или нет – это кто же знает? Постоянно всех кидают туда-сюда.

К Виктору приблизилась ярко накрашенная девушка в провокационно короткой юбке. Посмотрев ему в глаза, она вдруг крепко треснула его ладонью по плечу:

– Ты давай, Витек, не расслабляйся. Мы тебя в обиду не дадим. Вот так вот, понял?

Все засмеялись. Это что-то типа проверки, понял Гордеев и перевел дух. А потом засмеялся вместе со всеми. Уже не краснея.

Глава 7

Со всеми таможенными делами Виктор разобрался достаточно быстро. С людьми он сходился достаточно легко, тем более – при помощи Плаксина, которая, впрочем, требовалась все реже и реже, а документы и содержащиеся в них нюансы относительно быстро осваивались за счет применения оных на практике.

Система работы была достаточно простой. Как все раньше и рассказывали, «пассажирка» делилась на четыре смены – по количеству смен аэропорта. Виктор работал в смене под номером один. Работали по 12 часов, с восьми до восьми, день – ночь – два дня отдыха. За 12 часов работы – от двух до четырех рейсов, всего – на вылет и на прилет. В каждой начальник – наиболее опытный сотрудник. Начальники смен подчиняются заму начальника таможни – Замышляеву. Подчинение не армейское, но Замышляев иногда пытается командовать, как в армии, особенно – когда накатит, а это у него практически через день, где только деньги берет? Рожа красная, приходит на смену и глядит хитро – до чего бы докопаться? Любимая привычка – найти и засунуть себе в карман ключи от сейфов или кабинетов, если они бесхозно лежат на столе. Начальники смен уже это знали, да и остальные это как бы просекли, но иногда срабатывало, и начиналось нытье о том, что надо быть бдительными. Дураков везде хватает, факт. Иваныч обычно переводил разговор на тему Вальки Сеноваловой, и разведенный Замышляев легко велся.

Что касалось Сеноваловой, то тут все было не так просто. Замухрышка по виду, она какими-то своими чарами сводила с ума сразу двоих взрослых мужиков – непосредственно Замышляева и погранца Ухова. Сеновалову перевели в другую, третью смену через месяц после того, как Виктор пришел работать в таможню. И уже через неделю после этого Степа Плаксин, держась за живот, рассказывал ему, что один из братьев Михайловых, которые возглавляют две смены из четырех (редкостные алкаши, по утверждению Степана), Петр, отпустил по просьбе Ухова Вальку с ним куда-то погулять в одну из ночных смен. Не прошло и часа, как на смену нагрянул Замышляев. Кроме наличия на смене Валентины, бухого заместителя начальника таможни ничего не интересовало. Петро вместе со своим замом Гришей Буянкиным битый час уламывали Замышляева забыть про Сеновалову и накатить «беленькой», но – удивительное дело! – пить Замышляев отказывался, требуя найти Вальку. Та вскоре нашлась сама, но... лучше бы она не приходила! Даже пьяными глазами Замышляев углядел главное – отсутствие колготок на голых Валькиных ногах. История умалчивает о том, были ли они там до этого – погода в принципе к этому располагала, но в этом ли была суть? Сеновалова была при всех обвинена в аморальном поведении и официально вызвана после ночной смены в кабинет к заместителю начальника таможни для дачи подробных объяснений. Претензий к начальнику смены более не обнаружилось, вследствие чего, после ухода злого Замышляева, Петя и Гриша заставили «виновницу торжества» нарезать им закуски и оприходовали ту самую «беленькую» – не пропадать же добру?!

– А самое главное, – резюмировал Плаксин, – то, что ставка начальника отдела, которая скоро должна появиться, и на которую прочили Иваныча, может уйти от него самым подлым образом.

– А он-то причем? – недоумевал Гордеев.

– Бабы из кадров нашептали – Замышляев двигает на эту должность Сеновалову! Понял, как надо расти? Иваныч вот только расстроился, уходить собрался.

– Совсем?

– Нет, в оперативный отдел, там тоже ставка есть, у него образование соответствующее. Жалко...

Виктор не мог в это поверить. Нет, он не был идеалистом и в армии успел наглядеться на всякое. Но придя в таможню, он надеялся, что многие армейские, да и мирские негативы здесь будут моветоном. Увы, и здесь профессионализм уступал чему-то иному.

А в целом в таможне Гордееву нравилось. Удобный график, ребята в смене толковые. Девчонки в перевозках нормальные, веселые. Погранцы не занудные. Менты в смене тоже вполне адекватные, видно, что все проблемы между милицией и таможней позади. В самом порту уже появились знакомые, тем более, что кушать чаще всего приходится именно здесь. Обычно это те самые сардельки, весьма неплохого качества, кстати.

Основным моментом была практика. Количество рейсов помаленьку увеличивалось. Гордеев беспрекословно выполнял все указания Иваныча и Степы, при необходимости помогал другим ребятам. В первый же раз, роясь в сумках у пассажиров, он вспомнил Степин рассказ. Но от этого было не уйти, и после кавказских или среднеазиатских рейсов Виктор подолгу отмывал свои руки и лицо, чтобы смыть не только запах от ужасающего внутреннего содержания, но и воспоминания об этом. Однако помня суворовские слова о тяжести учебного процесса, он прекрасно осознавал – через все это надо обязательно пройти, даже если где-то над ним будут специально измываться. Пусть не по возрасту – по опыту он был самым молодым. И Гордеев бежал с кем-то под самолет для проверки загрузки багажа; залазил, куда можно залезть, в самолете, чтобы проверить, не везут ли чего экипажи; шурил глаза на экран хискана и тщательно разглядывал все внутренности проезжающего багажа, постепенно понимая, что и где там лежит.

Интересно было узнавать всякие таможенные заморочки. К примеру, некоторые пассажиры считали смешным пошутить на тему нахождения у них наркотиков или оружия, особенно в пьяном виде – типа, да, есть и много, ха-ха-ха. Но почему-то эти пассажиры не брали в расчет тот момент, что таможенники слышат эту шутку не в первый раз, а в... какой – зависело от срока службы, тут у каждого по-разному. Какая может быть реакция на то, что тебе уже смертельно надоело? В смене Иваныча, как и в других подразделениях «пассажирки», все проходило достаточно жестко: как минимум – шутник препровождался для досмотра, как максимум – проводили показательное псевдозадержание с вызванными милиционерами и якобы документальным оформлением. Признавшемся «заворачивали ласты», надевали наручники, причем менты в этом участвовали с неменьшим удовольствием, чем таможенники, и постоянно просили их звать на подобные «мероприятия». При этом в последнем случае все это могло сопровождаться криками с обеих сторон, разумеется – по разному поводу. А когда это делалось на глазах других пассажиров, среди которых были женщины и дети, и им объяснялась причина подобных действий, никто из присутствующих осуждать таможенников и не собирався – доставалось именно «шутникам». Поэтому Виктор полностью соглашался с тем, что подобные действия раз и навсегда дадут понять потенциальным юмористам, где и о чем можно шутить. Еще и с друзьями опытом поделятся.

Единственным не очень позитивным моментом в общей жизни смены Гордеев считал выпивки – почти в каждую ночную смену. Нет, можно было, конечно, пойти поспать, но это считалось не совсем правильным. В одной из комнат у «перевозок» накрывали стол, и шло веселье. Пили все, в том числе и имеющие автомобили. Было известно, что по существующим правилам гаишникам, чтобы оформить пьяного таможенника, надо кучу документов заполнить, проще пожурить и отпустить. Впрочем, почти никто сильно пьяным и не ездил. А так – были деньги, выпивка рядом – хоть на первом секторе покупай, где внутренние перевозки, хоть в кафе на привокзальной площади. Вот и выпивали. Трезвенником Витя не был, нет, просто тому были три причины: он не привык пить за чужой счет, утренние рейсы приходилось оформлять, находясь «подшофе», и домой он приезжал в соответственном состоянии. Зарплата не позволяла ему бухать часто и помногу, а своего «приработка» он еще не имел. Даже девчонки с перевозок имели определенный навар с пассажиров за какие-то дела, оформляли

там что-то вместе с грузчиками, поэтому Виктор садился за стол с чувством глубокого унижения. Но тот же Степа, которому он пожаловался на свою совесть почти сразу, попросил его заткнуться:

– Сиди и пей. Не будешь пить с нами – значит, ты вообще не с нами, понимаешь, да? Здесь у нас одно дело, с кем-то – один карман. Считай, что я тебя пою, в счет твоих будущих прегрешений, – засмеялся Степа, – шучу-шучу...

Иваныч обычно много не сидел, зато командированный с Городской таможни Вова Стариков иногда мог нажраться до бесчувствия уже к середине ночи. Его отводили баинькать, если надо – будили на утренний рейс, где он «работал» на свежем воздухе – на оформлении экипажа и самолета. Иваныч его в дневную смену ругал, конечно, но это редко помогало. С другой стороны, Виктор ни разу не видел, чтобы кто-то с пассажиров хоть слово сказал, что кто-то из таможенников в ночную смену оформляет их в непотребном виде. Во-первых, кроме Старикова, у них в смене все знали меру. А во-вторых, утром рейсы шли обычно на вылет: либо кавказские и азиатские рейсы, бывшие советские республики, где всегда к людям в форме относятся с почтением, трезвый ты или нет; либо Турция, где поголовно все «челноки» по понятным причинам были заинтересованы только в хороших отношениях с таможенниками. И если б хоть одна собака... – встречал бы эту группу однозначно стопроцентный индивидуальный досмотр. Вылетавшую также утром «Люфтганзу» с ее вечно недовольной представительницей, высокомерной мулаткой Гретой, знавшей по-русски только «быстро» и «надо», оформляла уже дневная, на 99,9% – однозначно трезвая смена.

Так и выходило, что маленьким минусом, омрачавшим отношения Виктора с женой, были приезды домой «с выхлопом». Супруге это не очень нравилось, и Гордеев старался ей все объяснить. Не было бы счастья, да «помог» Плаксин. Они с женой все-таки переехали в город, и теперь Вите приходилось раньше выезжать на работу. Соответственно, увеличилось и время поездки с работы домой. Виктор наострился при необходимости выпивать такую меру спиртного, чтобы и рейс утром отработать, и домой без запаха приехать. При этом он старался никакими разговорами не вызывать у жены ревность, рассказывая о каких-либо дамах на работе, и дома наступила почти полная идиллия. Этому же способствовал рабочий график – после ночной смены, немного поспав, Виктор в оставшиеся полтора суток был в полном распоряжении жены и дочери, чем те с удовольствием пользовались. Пользовался этим и Насонов, из-за чего Гордеевы периодически «батрачили» на его участке. По словам Володи, с приходом «сезона дождей» он завязывает с армией и идет по Витькиным стопам. В кадры таможни он уже ездил, добро получил, дело за малым – уволиться.

Через два месяца Виктор сдал аттестацию на соответствие должности. Ему дали печать, он съездил на склад и получил первую свою таможенную форму – синий костюм и зеленые погоны. Звездочки, по одной на каждый погон, ему тоже дали, и снова, как в армии, их обмывали, только уже никто не требовал цедить полный стакан водки, хватило бы и половины. Но Гордеев не ощущал бы себя настоящим офицером, если бы поступил не по-офицерски и не хряпнул стакан целиком. Тем более – в эту ночную смену от работы решением Иваныча Виктор был освобожден, что было очень кстати, как и отсутствие до самого утра каких бы то ни было рейсов для всех присутствующих вообще. Под шумные крики раззадоренных мужчин и охи-вздохи женского коллектива стакан был благополучно опустошен, а звезды извлечены и приколоты на приготовленные погоны. Форма была дома, и Виктор обыденно положил погоны рядом с пустым стаканом. Теперь надо представиться:

– Представляюсь по случаю получения первого таможенного звания, – сказал он и осекся. А какого звания-то? Черт, забыл спросить у Степки, как в таможне звания правильно называются. Но заметив, как все присутствующие – и Иваныч, и Степа, и сидящие рядом, не пропускающие таких событий и не собирающиеся ругаться из-за женщины Ухов и Замышляев, – все начинают его поздравлять и пить, Виктор понял – для присутствующих это совершенно не

важно. Девчонки его целовали и говорили, как они за него рады; Стариков, опрокидывающий, одну рюмку за другой, непрерывно хлопал его по колену и дико ржал; Замышляев, уже пришедший вкрученным, говорил что-то сквозь бороду о чести и совести. Все шло своим чередом.

Утром Степа довез его прямо до дома.

– Заедешь вечером? – спросил Виктор. В семейном кругу, с Насоновыми и Коробкиными тоже надо было посидеть.

– Не знаю. Если получится – заедем. Если нет – без обид. Есть тема, не сегодня, так послезавтра надо будет обсудить.

На вечерние посиделки Плаксины не приехали. Виктор два дня ломал голову, что же ему хочет сказать Степан. Почему-то думалось про «один карман» – Виктор считал, что он уже готов работать в команде по полной программе. Но все оказалось не так.

– Ты в курсе про изменения в сменах? – «в лоб» начал Плаксин, едва Виктор пришел на смену.

И ни слова про новую форму, про погоны! Целый день наглаживал...

– Нет.

– Во второй смене сняли старшего Михайлова, Диму. Ему и еще двоим предложили написать по собственному. Пока точно непонятно, из-за чего, слух такой, что подстава была на смене, но неофициально, вот им и предложено без уголовки, без продолжения, так сказать. Это та смена, где Конь работает. Коня поставили пока за старшего, там из старых Гера Большов, но он на больничном сейчас, вот Конь за него. В связи со всем этим смены перетрясут. В четвертой у Асадуллаича старшей будет – ты только не ржи! – Сеновалова, Петю Михайлова перекинули в третью, но надолго ли – непонятно, из-за брата на него точно глядеть будут в оба. Туда же Буянкина к нему. Ты идешь во вторую.

– Охренеть!

Блин, только привык ко всем, только работать по-нормальному настроился. С Конем и хорошо, и плохо, и знакомый вроде, а общались за последнее время только на пересменках.

– Ничего страшного, там нормальная смена, и Большой – мужик толковый. С хитринкой, комитетчик бывший, прямолинейный чересчур, но зато надежный. Иваныч его очень хвалит, они немало вместе чего-то там поделали. Держись его.

– И когда?

– Сегодня и завтра с нами, после ночи день отдохнешь и в следующий день с ними выйдешь. Сегодня они нас вечером меняют, сам знаешь, останься и поговори с Конем, если хочешь.

Не так Виктор представлял свой первый полноценный рабочий день. Все шло как в тумане, печать он ставил почти автоматически. Но к нему никто не придирался. Вечера он дождался с большим трудом. Когда Конев принял смену, Витя отозвал его в сторону.

– Если бы я чего знал! – заоправдывался Игорек. – Оформляли Стамбул, все нормально. А потом их троих вызвали к Филину, и все – они пришли, говорят – кранты, погорели. Где, с чем – не распространялись, а мы и не спрашивали. Все трое заявы там же у Филина написали, их уволили этим же днем. Одно непонятно.

– Что?

– Большой тогда же утром позвонил, говорит – заболел, давление 180, так и так. У нас кореш его в смене работает, вон, видишь – Паша Угольников, они еще с Городской таможни знакомы. Только мы-то все штатные, а Паша – прикомандированный. Так я Пашу спрашиваю – Гера что, с давлением мается? А тот: с чего, он спортсмен по жизни, все такое. Тут я и начал концы с концами сводить.

– Ну?

– Гну. Между нами. Большой в Городскую с комитета пришел работать. Старший Михайлов, это еще до меня началось, его на эту тему подначивал, особенно по пьяни. Ругались они, бывало, но Гере Дима авторитетом не был. А Дима его все хотел из смены выжить. И я вот

думаю – не спецом ли Гера это замутил, чтобы старшего Михайлова подставить? Через какие-нибудь свои старые связи? Но тогда как с другими ребятами, они за что попали?

– Сложно как-то. А вообще что про Большого скажешь? Ну... были предпосылки?

– То-то и оно, что нет. Сколько работали – ничего плохого сказать не могу. И все мужики у нас в смене нормально о нем отзываются. Но это и смущает. Понимаешь, о чем я?

Виктор понял только то, что он попал. А вот во что – он еще не понял.

Глава 8

– Гера! – протянул руку Большов.

– Виктор.

Вот и познакомились. Нет, Витя видел Большого на пересменках, здоровался, и знакомился вроде тоже, но тут другое дело, теперь Гера – его непосредственный начальник. Без него, а точнее – во главе с Коневым, смена проработала всего одну дневную смену, в ночь уже всем рулил Большов. Или Большой. Не по размерам – внешне Гера крупными габаритами не отличался. Тут вопрос авторитета. И вообще – начальник есть начальник. Надо привыкать.

Процедура «вливания в смену» в целом не отличалась от той, что Вите пришлось пройти ранее, за исключением того, что здесь его везде водил и знакомил Гера. Пока не было рейсов, они побывали на первом секторе у внутренних перевозок, у сарделечниц, цветочниц, пообщались с ментами. Девчонок из международных перевозок в своей смене Гера представил Виктору каждую лично, и каждая ему что-то сказала в напутствие. Погранцы все были практически те же, у них смен еще не было, так что там знакомиться было не с кем. Но Виктор сразу отметил, что с кем бы они ни общались, у оппонентов в разговоре сквозило явное уважение к Гере. Называли его по-разному – Гера или Большой, – но всегда с определенным пиететом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.